

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-36-50

УДК 94(47).05

МУЧЕНИКИ НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ: ИДЕОЛОГИЯ И «ЛАГЕРНЫЕ ПРОПОВЕДИ» РУБЕЖА XVII–XVIII вв.¹

Попович Алексей Игоревич

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
alexeyropowich@mail.ru

Аннотация. Исследуется формирование риторики мученической смерти «за веру, царя и отечество» в русской публицистике раннего Нового времени. Приравнивание погибших воинов к мученикам стало общим местом еще в воинских повестях эпохи татаро-монгольского нашествия, однако в период государственного и имперского строительства намечается секуляризация дискурса мученичества, выраженная в его манипулятивном использовании в идеологических целях. Наряду с обоснованием душевспасительной смерти за церковь, веру и Русскую землю авторами т.н. «лагерных проповедей» рубежа XVII–XVIII вв. используется патриотическая государственная риторика, приравнивающая к ней смерть за репрезентирующие общее благо отечество, государство, государя. Мученическая топика актуализируется в проповедях, адресованных участникам русско-турецких войн, при этом разные авторы (Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Игнатий Римский-Корсаков, Стефан Яворский и др.) по-разному вводят в свои тексты актуальное идеологическое содержание. Уже в петровскую эпоху в текстах панегирического направления закрепляется самостоятельная светская патриотическая риторика, в которой готовность к мученической смерти становится критерием преданности отечеству и частью новой имперско-государственной мифологии и идеологии.

Ключевые слова: «лагерная проповедь», мученичество, риторика, государственная идеология, отечество, Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Игнатий Римский-Корсаков, Стефан Яворский, русско-турецкие войны, петровская эпоха, империя, общее благо.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея "Общего блага" в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

MARTYRS IN THE SERVICE OF THE STATE: IDEOLOGY AND “MILITARY SERMONS” FROM THE TURN OF THE 17TH–18TH CENTURIES¹

Popovich Alexey I.

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
alexeypopowich@mail.ru

Abstract. The article examines the formation of the rhetoric of martyrdom “for faith, tsar and fatherland” in the Russian polemical literature of the early modern period. The equating of fallen soldiers to martyrs was commonplace in the war stories of the era of the Tatar-Mongol invasion, but the secularization of the discourse of martyrdom begins in the period of state and imperial building. It manifests itself in the manipulative use of martyrdom for ideological purposes. The authors of the so-called “military sermons” from the turn of the 17th–18th centuries use patriotic state rhetoric and equate a soul-saving death for the Church, faith, and Russian land with death for representations of the common wealth: the fatherland, the state, the sovereign. The topoi of martyrdom is actualized in sermons addressed to the participants of the Russian-Turkish wars, while different authors (Symeon Polotsky, Karion Istomin, Ignatius Rimsky-Korsakov, Stefan Yavorsky and others) introduce the actual ideological content in their texts in different ways. Already in the Petrine era, panegyric texts include an independent secular patriotic rhetoric, in which readiness for martyrdom becomes a criterion of devotion to the fatherland and part of the new imperial-state mythology and ideology.

Keywords: “military sermon”, martyrdom, rhetoric, state ideology, fatherland, Symeon Polotsky, Karion Istomin, Ignatius Rimsky-Korsakov, Stefan Yavorsky, Russian-Turkish wars, Petrine era, empire, common wealth.

Цитирование: Попович А.И. Мученики на государевой службе: идеология и «лагерные проповеди» рубежа XVII–XVIII вв. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 36–50. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-36-50 / Popovich A.I. Martyrs in the Service of the State: Ideology and “Military Sermons” from the Turn of the 17th–18th Centuries, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 36–50. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-36-50.

© Попович А.И., 2023

---

¹ The work was completed with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00488 “The Crisis of Values and the Coping Strategies: The Idea of the ‘Common Wealth’ in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)”.

У истоков русского воинского девиза «За веру, царя и отечество», оформившегося в XIX в., стояли идеи жертвенной смерти воинов и декларативное приравнение их к мученикам в период государственного строительства XVI–начала XVIII в. Риторико-идеологическое обоснование подчиненного положения подданного по отношению к институтам государственной власти было важной составляющей процесса формирования национального и имперского дискурсов, разделение которых в это время было очень условно. В это время, с одной стороны, активно разрабатывался новый круг понятий и идей, а с другой – адаптировались к новым обстоятельствам (в частности, речь идет о расширении и защите государственных границ) традиционные формы политической культуры. Неслучайно одним из новых для этого времени идеологических конструктов становится «смерть не только за веру, но и за царя и государство» [Попович, 2020, с. 175].

Генетически этот комплекс идей восходил к периоду татаро-монгольского нашествия. В воинских повестях, посвященных этим событиям, сформировался устойчивый набор общих мест, аллюзий, библейских цитат, отдельных словосочетаний, репрезентирующих представления о мученической смерти за православную веру и претерпевании страданий от иноверцев, например: «главы своя положити за христианскую вѣру» («Повѣсть о Калцацкомъ побоищѣ» из Тверской летописи) [Воинские повести..., 1985, с. 66], «прия венець своего страдания от всемилостиваго Бога» («Повесть о разорении Рязани Батыем») [Воинские повести..., 1985, с. 99], «и положили есте головы своя за святыя церквы, за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую» («Задонщина») [Воинские повести..., 1985, с. 168]. Большинство воинских повестей сохранились лишь в поздних списках XVI–XVII вв., однако есть все основания относить первые случаи приравнивания погибших воинов к мученикам к более ранней истории Древней Руси [ср.: Белякова, 2003].

Наиболее значительным лингвистическим маркером, передающим различия в «целеполагании» жизни воина, становится предлог *за*. Универсальными были формулировки *за веру* или *за церковь*, постепенно как часть идеологии объединения русских земель разрабатывалась идея жертвенной смерти *за Русскую землю*. В «Сказании о Мамаевом побоище» (XV в.) воины обращаются к великому князю Дмитрию Ивановичу: «Мы же готови есмя в сий день главы своя положыти за тебе, государя, и за святыя церкви и за православъное христианство» [Воинские повести..., 1985, с. 227]. Едва ли не впервые смерть за государя по значимости воздаяния в иной жизни ставилась наравне со смертью за Церковь и веру.

Как минимум с конца XVI в. эти идеи встраиваются в государственную идеологию, что отразилось на присягах государю, в основе которых лежала традиция крестоцелования. Обещание «служити и прямити въ правду, до своего живота, во всемъ по сему крестному цѣлованью» [Подкрестная запись..., 1836, с. 58] давалось в присяге Борису Годунову в 1598 г. В 1654 г. произошло государственное урегулирование присяги [см.: Королева, 2020] и на Московском печатном дворе было отпечатано специальное издание «Три чина присяг», куда вошел чин «Како подобаетъ приимати и увѣряти обѣщающагося служити государю царю всею правдою», где подданный

должен был произносить, в частности, следующие слова: «А гдѣ велить государь мнѣ быти на своей государевѣ службѣ, и мнѣ будучи на его государевѣ службѣ, съ его государевыми недруги, и со измѣнники битися за него государя своего <...> не щадя головы своя до смерти» [Три чина присяг, 1654, л. 11].

Как показало исследование памятников эпиграфики Московской Руси, проведенное А. Г. Авдеевым, как минимум с 1560-х гг. гибель на государственной службе соотносилась с мученической кончиной в сознании самих служилых людей [Авдеев, 2019]. Частные практики героизации тесно переплетались с масштабными идеологическими проектами. Неслучайно, например, и стремление создателя Синодика Ермаковым казакам (1621–1622) митрополита Тобольского Киприана (Старорусенкова) придать смерти государева атамана Ермака Тимофеевича мученическое содержание [Соболева, 2008, с. 192–202].

Интересен фрагмент «Оглашения» из «Просветителя Литовского I» первой половины XVII в., которое должны были произносить обращаемые в православие иноверцы: «И за Христа моего и за православную вѣру греческаго закона и за святыхъ церкви и за многолѣтное здравие государя царя и великаго князя (имярек) всеа Руси радѣ кровь свою приляти и пострадати до смерти» [цит. по: Опарина, 1998, с. 342]. В церковное чинопоследование встраиваются уверения в готовности пострадать за государя, пересекающиеся с текстами государственной присяги. Разработанная к этому времени концепция верности государю и государству, заключающейся прежде всего в готовности к самопожертвованию, неотделима от службы Богу и готовности пострадать за Христа.

Приравнивание погибших на поле боя воинов к мученикам отразится и в напутствиях воинам перед сражениями, в частности, в сохранившихся (но явно не первых в этой традиции на Руси) «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло (1480) и «Учительном послании» митрополита Макария Ивану IV в день осады Казани (1552). Визуальным воплощением этих идей в политической культуре эпохи Ивана Грозного стала икона «Благословенно воинство Небесного Царя» (1550-е) [см.: Rowland, 2020].

Для книжности переходного времени в целом характерна тенденция к секуляризации дискурса мученичества. В качестве примеров того, как идейное наполнение мученичества зависело от целей, преследуемых теми или иными институтами, можно привести исследования милитаризации и идеологизации использования книжниками XVII в. образов святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба [Bartolini, 2016; Sinkevych, 2020].

Дальнейшая история риторических практик напутствия воинства будет учитывать опыт предшественников в обращении к адаптируемому под конкретные задачи набору топосов. Важным этапом в этом процессе становится развитие нравоучительно-дидактического устного жанра «лагерной проповеди» («слова о брани»). Для русской культуры это был сравнительно новый жанр, формировавшийся прежде всего

выходцами из Киево-Могилянской академии с оглядкой на польскую и украинскую традицию (подобные проповеди были у Петра Скарги, Игнатия Старушича, Антония Радивиловского, Иоанникия Галатовского и др.) [Елеонская, 1990, с. 96–97].

Проповеди – напутствия на войну произносились церковными лидерами, талантливыми проповедниками своего времени, умевшими воздействовать на слушателя, используя приемы устного жанра. При этом многие их тексты распространялись в старопечатных изданиях или в рукописных сборниках проповедей и, по-видимому, были достаточно востребованы другими проповедниками, не создававшими собственных авторских проповедей. Эти тексты объединены традиционными топосами и идеями, уходящими корнями в первые века христианства, а частично и в ветхозаветную традицию: праведности войны с иноверными, торжества христианской веры, божественного заступничества в борьбе с неприятелем, призывами к самопожертвованию и т.д.

Появление «лагерных проповедей» в России приходится на период 1670–1710-х гг., в основном они приурочены к событиям трех русско-турецких войн, которые, помимо всего прочего, нуждались в дополнительном обосновании. Проповедники последней трети XVII в. выступают с самыми разнообразными решениями проблемы войны и мира [Богданов, 2001, с. 76–142], однако сходятся в идее душеспасительности смерти на поле боя.

Крупнейший придворный писатель своего времени Симеон Полоцкий создает «Беседу о брани» (1670-е), полемизируя с Эразмом Роттердамским, считавшим, что учение Христа запрещает вести какие бы то ни было войны: «Оружия церкви суть мечь слова Божия, щитъ вѣры, шлемъ спасения, броня правды, стрѣлы молитвъ. Яко апостолъ учитъ въ послании къ Ефесеомъ въ главѣ 6 убо не желѣзомъ и оружию христиане братися должни» [ГИМ, Синод. собр. № 289, л. 190об.–191]. Полоцкий говорит в ответ на это: «Брань неправедная противна есть миру благому и ведет ко миру злomu. И праведная противится миру злomu и ведет къ миру доброму» [ГИМ, Синод. собр. № 289, л. 191]. Праведной войной он называет войну со стороны России как православного государства.

Кроме того, Полоцкий полемизирует с Мартином Лютером (с идеями, изложенными в его трактате «Vom Kriege wider die Türken» («О войне против турок», 1528)), который видел в наступлении врагов казнь Божью, наказание за грехи: «Яко воля Божия видится быти, да туркомъ яко бичемъ нѣкимъ казними будемъ, воли же Божией не подобаетъ противитися» [ГИМ, Синод. собр. № 289, л. 196]. Полоцкий предлагает «отразительные» аргументы и завершает «Беседу» словами: «Мы же православнии христиане, не слушаемъ словес еретическихъ, крамолу и лесь содержажихъ, но знающе естества закон и Божию волю, яко должно есть намъ противу врагомъ нечестивымъ стояти со оружиемъ защищения ради женъ и чадъ, и всѣхъ христианъ православныхъ, домовъ Божиихъ и всяческия святыни нихъ божественнѣ совершаемая, и за вѣру нашу православнокафолическую будимъ готови Божимъ пособиемъ сверѣпаго бисурманина отъ предѣлъ государства российскаго

отгнати, навѣты его отразити, и вся казни уне потребити» [ГИМ, Синод. собр. № 289, л. 197об.].

В своих риторических построениях Полоцкий хотя и упоминает государство, но не считает нужным напрямую подчеркивать прогосударственный характер воинского подвига. Не делает он этого и в «лагерных проповедях» 1670-х гг., вошедших в сборник «Вечера душевная» (1683): «Слово к православному воинству о помощи пресвятыя Богородицы» [Симеон Полоцкий, 1683, л. 86об.–93 второго счета], «Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству» [Симеон Полоцкий, 1683, л. 93об.–99об. второго счета]. И в то же время мученический дискурс помещается Полоцким в широкий имперский контекст, в не такое подробное, как в «Беседе о брани», но все-таки обоснование необходимости ведения этой войны. В качестве примеров помощи Богородицы христианскому воинству (икона которой была принесена в донской полк, к которому обращено «Слово к православному воинству») проповедник приводит праведные войны в правление византийских императоров Юстиниана I, Ираклия I, Василия I Македонянина, Иоанна I Цимисхия, Иоанна II Комнина: «Но вскую сицевыя истории воспоминаю, всѣмъ вамъ добръ свѣдущымъ, яко всякъ градъ и страна христианская, Ея святымъ стоить заступлениемъ: паче же, яко и само православное великороссийское государство, жребий самыя Богоматере, Ея помощию разширися, ея пособиемъ утвердися, Ея хранениемъ в своей крѣпости доселѣ пребываетъ, и Ея утверждениемъ враги своя и супостаты преславно побѣждаетъ» [Симеон Полоцкий, 1683, л. 89об. второго счета]. В ряд тех ценностей, за которые воин полагает свою душу, у Полоцкого попадают Бог и Церковь: «А яко смерть многожды и праведныхъ на брани не прощаетъ, то сердце да не устрашаетъ вашихъ, ибо о Божией сатующимъ славъ, яко побѣдити есть славно, тако и умрети душеспасенно. Всякъ бо на сицевой брани умираяй, близъ святыхъ мученикъ водворяется чина: яко о Бозѣ и о церкви полагаетъ свою душу» [Симеон Полоцкий, 1683, л. 92об.].

В отличие от многих других проповедников, Карион Истомин, справщик Московского печатного двора, создавший «Слово патриарха Иоакима на отправление войск в первый Крымский поход» (1687), взяв за основу поучения евангельскую цитату «Егда же услышите брани и нестроения, не убойтесь» (Лк. 21:9), прежде чем пообещать воинам отпущение грехов и жизнь вечную, стремится указать на необходимость их благочестия, когда столь велика угроза внезапной смерти: «Тем же благовернии людие, чада церковная, чада христианская и наша мерности, воины российстии, началнии и подначалствуемии, слуги Божия, слуги и царскаго величества, защитители православныя веры, защитители и государства Московскаго, будите помощницы своему жребию, будите и прочим людем. Подвигнитесь в творение воли Божия со усердием, и служением верным и радетелным. В кротости, и любви, и во всяком воздержании будите, и общий совет во имени Господни между себе имейте» [Карион Истомин, 1983, с. 121–122]. Обращает на себя внимание также подчеркиваемая Карионом (и Иоакимом, поручившим ему создание этого

поучения) двойственность социальной роли воинства, разграничение государственного и православного долга.

«Слово благочестивому и христоролюбивому воинству» Игнатия Римского-Корсакова (1687), на тот момент архимандрита Московского Новоспасского монастыря, также созданное во времена Крымских походов, представляет собой собрание «от божественных писаний и от царственных летописцев» и претендует на статус исторического сочинения. Начинается «Слово» с примеров Божией помощи Аврааму, освободившему Лота из плена, и Иисусу Навину, который боролся с амаликтянами: «Ведомо же буди храбрству и мужеству вашему: яко и за вас есть теплейшии молитвенники, и на небеси и на земли» [Игнатий Римский-Корсаков, 1983, с. 137]. Речь здесь идет о Богородице, архангелах Михаиле и Гаврииле «со всеми небесными безплотными девяти чинми», Иоанне Предтече, апостолах Петре, Андрее и Павле и самой Премудрости Слова Божия – Софии. Тезоименитство с правящим в то время триумvirатом очевидно, кроме того, автор находит соответствие князю В.В. Голицыну – в лице святителя Василия Великого. Это один из первых примеров, демонстрирующих, что «лагерные проповеди» уже в это время приближены к жанру торжественного, панегирического слова, напрямую обслуживающего государственную идеологию.

Игнатий подробно рассказывает о роли небесных заступников в различных событиях русской истории: утверждении святительского престола в Москве, борьбе и победе над Ордой, смерти «за московския народы» митрополита Филиппа, помощи Бориса и Глеба Александру Невскому, единоборстве князя Мстислава Владимировича с косоожским князем Редедей, походах Владимира Мономаха на половцев и др. Историческая концепция Игнатия включает и идею «нового Израиля»: «Пресветлых и православнейших царей и кесарей, и державнейших наших самодержцев, всея России, Востока и Запада, их же царским повелением ваше храбрство изыдоште в защищение святых Божиих церквей, на свобождение плененных христиан от безбожных агарян, на очищение от злюб татарских южных земли, на восхождение новому Израилю, яко же древле сыновом еврейским в Хананейскую землю» [Игнатий Римский-Корсаков, 1983, с. 169].

Фактически речь идет о принятии всех христианских народов в подданство России и о ее ведущей роли в освобождении и очищении южных земель. Мученический подвиг русского воинства, как и в ряде воинских повестей, подкрепляется историческим обоснованием – памятью о славных подвигах предков и их небесном заступничестве. При этом Игнатий апеллирует к честолюбию воинов, выстраивая нисходящую градацию ценностей, ради которых совершаются воинские подвиги: «Всякое же бедство ради Бога, святой церкви, великих государей царей своих, всего государства, родителей, приятелей, и за вси сия, их же правда христианская повелевает любити, подобает храброму воину претерпевати, того бо ради таковыя воины, от пресветлых царей древле и ныне любимы и чтими бывают зело, и за подъятыя труды, тщеты, и раны. Ово многими обогащаются дары, ово на высокия достоинств возносятся степени и чины» [Игнатий Римский-Корсаков, 1983, с. 152].

Поскольку «лагерные проповеди» обращены в первую очередь к воинскому словию, их авторы отводят ему особенное место при структурировании русского общества. Игнатий не случайно делает акцент на царских наградах и продвижении по воинской службе как на некоей альтернативе мученического венца: «Тако убо достоин, за божественную славу; и царскую честь: российским воинством храбрствовать, а не немужественным быти, и в домех своих на боку лежати. И тем хотети мужество показати. Без подвига бо никтоже венчан бывает. И како потом от великих самодержцев восприимет славу, и честь, и превосходящее достоинство, еже во время подвига дома пролежавый?» [Игнатий Римский-Корсаков, 1983, с. 164].

В 1715 г. в проповеди «Слово в неделю мироносиц увещательное до воинов, надходящу походу воинскому» местоблюститель патриаршего престола, митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский похожим образом рассуждает о большой пользе воинской смерти, оригинально интерпретируя рассказ о мироносицах, пришедших утром в первый день после субботы ко гробу воскресшего Иисуса Христа с миром для ритуального умащения тела: «Мужество убо, понеже разсудительно есть, знаетъ, яко смерть воинская есть от мнѣния только страшная, а в самой истинѣ желаемая. Для чего желаемая? Для того: велия бо пользы въ себѣ имѣет. Какая пользы? А малая ли то польза подражати Христу, и послушливым быти даже до смерти властемъ от Бога учиненнымъ? А малая ли то польза, томужь Христу подражати, и душу свою положить за други своя? А малая ли то польза, за церковь святую, за вѣру православную, за отечество свое умирати? А малая ли то польза, животь привременный на вѣчный измѣнити, и за смерть воинскую безсмертную получитьи и себѣ и всему роду своему славу? Вся сия пользы въ смерти воинской обрѣтаются» [Стефан Яворский, 1804, ч. 1, с. 82].

Появление в одном ряду с верой и Церковью категории отечества закономерно для петровской эпохи и позволяет говорить о том, что наряду со средневековыми представлениями о христианском долге защиты церкви, веры, Русской земли и т.д. появляется сравнительно самостоятельная светская патриотическая государственная риторика, репрезентирующая государство как общее благо.

Православные книжники по-разному адаптировались к новой риторике. Достаточно обратить внимание на воплощение в творчестве разных авторов легендарного сюжета о том, что Петр I подбадривал армию перед Полтавской битвой 1709 г. [см. также: Анисимов, 2018]. Так, в книге «Царский путь креста Господня, возводящий в живот вечный» (1709) черниговского архиепископа Иоанна (Максимовича) Петр говорит воинам: «Держайте, не бойтесь: Азь на раны готовъ за отечество и церковь святую, Азь на раны готовъ за благочестие и вѣру Православную, Азь на раны готовъ за честь и славу Божию: Азь готов душу мою положить за овца моя и тысящию умрѣти. О коль пресладкие и прекрасние аки божественные словеса! Возгорѣшася по благочестию воинская мужественная сердца; новую восприяша силу» [Иоанн Максимович, 1709, л. 9–9об. первого счета]. В свою очередь, в «Истории императора Петра Великого» (ок. 1713) церковного и государственного деятеля Феофана Прокоповича об этом же сказано так: «Ведало бо Российское воинство,

что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их, или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России, и не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял» [Феофан Прокопович, 2010, с. 554–555].

Если Иоанн Максимович использует традиционную христианскую риторику, прославляя готовность царя положить душу за отечество и Церковь (о готовности Петра к пролитию собственной крови см. также: [Погосян, Смержевских-Смирнова, 2009]), то Феофан Прокопович помещает отечество в руки воинства. Отечество, по сути, становится синонимом государства, а народ становится Всероссийским, фактически гражданством, прикрепленным к территории и институту государства. Смерть на войне воспевается Прокоповичем не как мученичество и спасение собственной души, а как официально регламентированная положением воинского сословия смерть за общее благо в лице государства.

Призывы к самопожертвованию все чаще получают формульный характер, и тем показательнее те случаи, когда в устойчивые ряды даже не попадает упоминание о вере или Церкви. Отличия риторики можно было бы объяснить тем, что война со шведами-христианами, в отличие от войны с турками-иноверцами, требует иного обоснования, однако, судя по всему, это обстоятельство не имело значения. В «Слове о победе, полученной у Ангута» (1714) другого видного панегириста петровской эпохи Гавриила Бужинского отечество и государь заменяют собой понятия из религиозной сферы, при этом сохраняется обещание мученических венцов: «Радуйтесь же и вы и торжествуйте российстии флагманы, капитаны и все христоролюбивое воинство, здравия своего за отечество и государя своего нещадыщи, и о житии своем небрегущии: вам мученический венец уготован есть, вы оставшии вся мирская пристрастия, в царствии небесном сторицею восприимете и живот вечный наследите. Сладкая вам смерть за отечество, но сладости вечная ихже око не виде ухо не слыша и на сердце человеку не взыде, уготованны вам суть: такмо со оними воинами Феодором Стратилатом, сиесть воеводою, Андреем Стратилатом, Георгием, Димитрием, Севастианом и инными безчисленными победный венец восприимете» [Гавриил Бужинский, 1979, с. 233].

Если говорить о Стефане Яворском, то он скорее занимает промежуточную позицию. Его проповедническое наследие демонстрирует, что в петровскую эпоху потребность в «лагерных проповедях» неуклонно возрастает. Проповеди Яворского становятся одними из первых текстов, в которые входит образ Петра, готового умереть за отечество. Так, в слове в неделю 20-ю по сошествии Святого Духа он призывает уподобиться Петру в противостоянии врагам, которые восстают не просто на людей или на веру, но на отечество Российское: «Привѣтствую и вамъ, Христоролюбивое воинство! О сем благополучии, яко имате сицеваго предводителя, и паче реку, учителя, правило и образъ, на егоже подвиги всегда взирающе, и сами подвигомъ добрымъ подвизаетесь: егоже предъидуща имуще, сами усердно послѣдствуете, егоже труждающася видяще, и сами нелѣнностнымъ сердцемъ и небоязненнымъ

умомъ противу враговъ, востающихъ на ны и на вѣру нашу православную, паче же на отечество наше Российское, даже до крове ополчаеся» [Стефан Яворский, 1804, ч. 2, с. 120].

Начитанность Яворского и знакомство с западными образцами проповедей способствовали усложнению образности и аргументации «лагерных проповедей». В знаменитой «Колеснице торжественной» (1703), написанной для прославления возвращения крепости Орешка, он называет воинов тельцами, готовыми на заклание: «Когда васъ вижду умныма очима охотно бѣжащих на шанцы неприятельския, на копья, на мечи, на стрѣльбу, на огни: тельцов то вижу на заколение готовыхъ. Всякъ из васъ во умѣ своемъ глаголетъ: аз на раны готовъ и болѣзнь моя предо мною есть выну. А вѣсте ли, что есть смерть воинская? Жертва Богу приятна, в нейже словесные тельцы закалаются, тогда возложить на олтарь твой тельцы» [Стефан Яворский, 1805, с. 160]. Барочный проповедник буквально поэтизирует насильственную воинскую смерть, стремясь передать ее через яркие библейские аллегории.

При этом «лагерные проповеди» не оторваны от жизни, их авторы постоянно апеллируют к чувствам и жизненному опыту своих слушателей. Как и Игнатий Римский-Корсаков, Яворский противопоставляет воинов и «домоседов»: «Воинов при крови подобаеъ умирати, а не при слезахъ въ домѣ живущихъ: то почестъ кончатся при слезахъ, воинска при крови. За домосѣдами умершими слышать плачь, за воинами звукъ военный: домосѣдъ лѣжачи, воин стоячи сходитъ съ свѣта сего, домосѣдъ умираетъ, воинъ падаетъ» [Стефан Яворский, 1805, с. 161]. Накануне Прутского похода, в феврале 1711 г., Яворский произносит проповедь «Моисей Российский», где активно использует библейскую цитату «больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя» (Ин. 15:13), обличая уныние воинов и напоминая, ради чего они жертвуют своими жизнями: «Слышиши ли, христианский человекъ? Образы толика любве къ ближнему въ писанияхъ святыхъ видиши ли? Помысли себѣ; готовъ ли еси иззуги сапоги? Готовъ ли иззуги тѣло и житие за Христа, душу свою за тя положившаго, за церковь святую мать свою, за хвалу Божию, за люди своя и братию свою, въ неволѣ бусурманской тяжкимъ игомъ обремененную? Ахъ, христиане! Ахъ кровию Христовою искупленные и окропленные люди! Откуда вамъ таковое уныние, такая оспалость, яко по Христъ Спаситель нашемъ и по братии нашей отнюдь не ревнуемъ?» [Певницкий, 1875, с. 136].

Таким образом, «лагерные проповеди» панегирического направления, с одной стороны, продолжают христианскую традицию сакрализации мученического подвига, а с другой – наполняются актуальным идеологическим содержанием. Одна и та же топика получения погибшим воином мученического венца используется в различных ситуативных ролях, чему способствовали проповедники, транслировавшие меняющуюся систему ценностей. На топике жертвы за веру, царя и отечество отразилось формирование новой имперско-государственной мифологии и идеологии. В политической риторике уже в преддверии петровской эпохи активно используется милитаризированная топика мученичества, а аргументация, заимствованная

из сакральных источников, приобретает манипулятивный характер. Именно в проповедях как одной из наиболее публичных разновидностей придворной литературы смерть за отечество как государство стала идеологическим конструктом, преодолевшим собственно христианскую мученическую трактовку и получившим новый сакральный, на этот раз прогосударственный характер. В ораторскую прозу рубежа веков активно включалась светская власть (при всей условности этого обозначения), заинтересованная в соответствующем восприятии как военного, так и государственного подвига, особенно актуального сначала для южных, а потом и для северных территориальных притязаний формировавшейся Российской империи. Преданность и верность государству как критерий патриотизма в значительной степени оформлялись внутри описанных выше риторических построений, которые входили в национальные нарративы и стереотипные представления об общем благе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авдеев А.Г. Суеверия, поминальная культура и старорусская эпиграфика // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2019. Вып. 86. С. 61–80.

Анисимов Е.В. Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников) // *Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.: сб. ст. к 100-летию со дня рождения И.П. Шаскольского*. Ч. 20. Вып. 4. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 67–97.

Белякова Е.В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // *Миротворчество в России. Церковь, политика, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий*. Москва: Наука, 2003. С. 39–62.

Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. Москва: Институт российской истории РАН, 2001. 492 с.

Воинские повести Древней Руси. Сост. Н.В. Понырко, вступ. ст. Л.А. Дмитриева. Ленинград: Лениздат, 1985. 495 с.

Гавриил Бужинский. Слово о победе, полученной у Ангута // *Панегирическая литература петровского времени*. Изд. подг. В.П. Гребенюк, под ред. О.А. Державиной. Москва: Наука, 1979. С. 220–233.

Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. Москва: Наука, 1990. 222 с.

[Игнатий Римский-Корсаков]. Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству // *Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики: в 2 ч.* Подг. текста, предисл., коммент. А.П. Богданова, под ред. В.И. Буганова. Москва: [Б. и.], 1983. Ч. 1. С. 135–173.

[Иоанн Максимович]. Царский путь креста Господня, возводящий в живот вечный. [Чернигов], 1709.

[Карион Истомир]. «Егда же услышите брани и нестроения, не убойтесь»: [Слово патриарха Иоакима на отправление войск в первый Крымский поход] // *Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики: в 2 ч.* Подг. текста, предисл., коммент. А.П. Богданова, под ред. В.И. Буганова. Москва: [Б. и.], 1983. Ч. 1. С. 118–127.

Королева М.В. Процедура государственной присяги в России XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020. № 4(82). С. 73–82. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.004.

Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с.

[Певницкий В.] Слова Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского. IX. Моисей Российский // *Труды Киевской духовной академии*. 1875. Октябрь. С. 124–145.

Погосян Е., Смержевских-Смирнова М. «Яко аз на раны готов»: Петр I на иконе Таллиннского Никольского храма // *Humaniora: Litterae Russicae*. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 2009. С. 11–37.

Подкрестная запись на верность службы царю Борису Федоровичу. 1598, сентября 15 // *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург: Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1836. Т. 2. С. 57–61.

Попович А.И. Диктат власти и путь к личному выбору: идея жертвы за веру в России раннего Нового времени // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 168–180.

Государственный исторический музей (ГИМ). Синод. собр. № 289. Симеона Полоцкого беседы и некоторые переводы. XVII в.

Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. Москва: Верхняя типография, 1683.

Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // *Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России: в 2 т.* Сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Новосибирск: [Б. и.], 2008. Т. 2. С. 187–202.

Стефан Яворский. Слово в неделю мироносиц увещательное до воинов, надходящу походу воинскому // *Стефан Яворский. Проповеди: [в 3 ч.]*. Москва: Синодальная типография, 1804. Ч. 1. С. 55–85.

Стефан Яворский. Слово в неделю двадцатую по Святом Духе // *Стефан Яворский. Проповеди: [в 3 ч.]*. Москва: Синодальная типография, 1804. Ч. 2. С. 95–124.

Стефан Яворский. Колесница торжественная // *Стефан Яворский. Проповеди: [в 3 ч.]*. Москва: Синодальная типография, 1805. Ч. 3. С. 140–184.

Три чина присяг. [Москва]: [Печатный двор], [1654].

Феофан Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно // *Феофан Прокопович. Избранные труды*. Сост., вступ. ст. и коммент. И.В. Курукина. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 435–558.

- Bartolini M.G.* The Discourse of Martyrdom in Late Seventeenth-Century Ukraine. The 'Passion-Sufferers' Boris and Gleb in the Homilies of Antonij Radyvylovs'kyj and Lazar Baranovyč // *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. T. 61. № 3. Pp. 499–527.
- Rowland D.B.* Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia: The Blessed Host of the Heavenly Tsar // *Rowland D.B. God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. Pp. 127–154.
- Sinkevych N.* Der Kult der Kriegerheiligen in der Kiewer Metropole in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *Die Militarisierung der Heiligen in Vormoderne und Moderne*. Hrsg. von L. Berezhnaya. Berlin: Duncker & Humblot, 2020. S. 143–159.

REFERENCES

- Avdeev A.G. Sueveriya, pominal'naya kul'tura i starorususkaya epigrafika [Superstitions, Funeral Ceremonies, and Old Russian Epigraphy], in *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istorija. Istorija Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2019. Is. 86. Pp. 61–80. (in Russian).
- Anisimov E.V. Rech' Petra Velikogo na Poltavskom pole v 1709 godu (k analizu istochnikov) [Speech of Peter the Great at the Poltava Field in 1709 (to the Analysis of Sources)], in *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shvetsiya v XVII–XVIII vv.: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.P. Shaskol'skogo* [Novgorod Land, St. Petersburg and Sweden in 17th–18th Centuries: Collection of papers to the 100th Anniversary of I.P. Shaskolsky]. Part 20. Is. 4. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2018. Pp. 67–97 (in Russian).
- Belyakova E.V. Otnoshenie k voine i ubiystvu v kanonicheskikh pamyatnikakh XIV–XVI vv. [Attitude to War and Murder in Canonical monuments of the 14th–16th centuries], in *Mirotvorchestvo v Rossii. Tserkov', politika, mysliteli. Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX–XX stoletii* [Peacemaking in Russia. Church, Politics, Thinkers. From the Early Middle Ages to the Turn of 19th–20th Centuries]. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 39–62 (in Russian).
- Bogdanov A.P. *Moskovskaya publitsistika poslednei chetverti XVII veka* [Moscow Publicism of the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2001. 492 p. (in Russian).
- Voinskie povesti Drevnei Rusi* [War Stories of Ancient Russia]. Ed. by N.V. Ponyrko, introd. article by L.A. Dmitriev. Leningrad: Lenizdat, 1985. 495 p. (in Russian).
- Gavriil Buzhinskii. Slovo o pobeде, poluchennoi u Anguta [Word about the Victory at Angut], in *Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni* [Panegyric Literature of Peter the Great Time]. Ed. by V.P. Grebenyuk, O.A. Derzhavina. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 220–233 (in Russian).
- Eleonskaya A.S. *Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow: Nauka, 1990. 222 p. (in Russian).
- [Ignatii Rimskii-Korsakov]. Slovo blagochestivomu i khristolyubivomu rossiiskomu voystvu [Word to the Pious and Christ-Loving Russian Army], in *Pamyatniki obshchestvenno-politicheskoi mysli v Rossii kontsa XVII veka. Literaturnye panegiriki: v 2 ch.* [Monuments of

Socio-Political Thought in Russia at the End of 17th Century. Literary Panegyrics. 2 Parts]. Ed. by A.P. Bogdanov, V.I. Buganov. Moscow: [S. n.], 1983. Part 1. Pp. 135–173 (in Russian).

[Ioann Maksimovich]. *Tsarskii put' kresta Gospodnya, vozvodyashchii v zhivot vechnyi* [Tsar's Way of the Lord's Cross, Raising up into Eternal Life]. [Chernigov], 1709 (in Russian).

[Karion Istomin]. „Egda zhe uslyshite brani i nestroeniya, ne uboitesya”: Slovo patriarkha Ioakima na otpravlenie voisk v pervyi Krymskii pokhod [„When you shall hear strife and trouble, fear not”. Word of Patriarch Joachim on Sending Troops to the First Crimean Campaign], in *Pamyatniki obshchestvenno-politicheskoi mysli v Rossii kontsa XVII veka. Literaturnye panegiriki: v 2 ch.* [Monuments of Socio-Political Thought in Russia at the End of 17th Century. Literary Panegyrics. 2 Parts]. Ed. by A.P. Bogdanov, V.I. Buganov. Moscow: [S. n.], 1983. Part 1. Pp. 118–127 (in Russian).

Koroleva M.V. Protседura gosudarstvennoi prisyagi v Rossii XVII v. [Procedure for the State Oath in Russia of the 17th Century], in *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 73–82 (in Russian).

Oparina T.A. *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii* [Ivan Nasedka and Polemical Theology of the Kyiv Metropolis]. Novosibirsk: Nauka, 1998. 429 p. (in Russian).

[Pevnitskii V.] Slova Stefana Yavorskogo, mitropolita Ryazanskogo i Muromskogo. IX. Moisei Rossiiskii [Words of Stefan Yavorsky, Metropolitan of Ryazan and Murom. IX. Moses of Russia], in *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*. 1875. October. Pp. 124–145 (in Russian).

Pogosyan E., Smorzhevskikh-Smirnova M. “Yako az na rany gotov”: Petr I na ikone Tallinskogo Nikol'skogo khrama [“As I am ready for wounds”: Peter the Great on the Icon of the Tallinn Nikolsky Church], in *Humaniora: Litterae Russicae*. Tartu: Izd-vo Tartus. un-ta, 2009. Pp. 11–37 (in Russian).

Podkrestnaya zapis' na vernost' sluzhby tsaryu Borisu Fedorovichu. 1598, sentyabrya 15 [Record under the Cross of Loyalty to the Tsar Boris Fedorovich. 1598, September 15], in *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiyu Imperatorskoi Akademii nauk* [Acts, Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tip. II Otd. S. E. I. V. K., 1836. Vol. 2. Pp. 57–61 (in Russian).

Popovich A.I. Diktat vlasti i put' k lichnomu vyboru: ideya zherty za veru v Rossii rannego Novogo vremeni [Dictate of Power and the Path to Individual Choice: Idea of Sacrifice for Faith in Early Modern Russia], in *Dialog so vremenem*. 2020. Is. 73. Pp. 168–180 (in Russian).

State Historical Museum (GIM). Sinod. sobr. No. 289. Simeona Polotskogo besedy i nekotorye perevody. 17th century (in Russian).

Simeon Polotskii. *Vecherya dushevnyaya* [The Supper of the Soul]. Moscow: Verkhnyaya tipografiya, 1683 (in Russian).

Soboleva L.S. "Gosudarev ataman" Ermak Timofeevich: vektory idealizatsii ["Ataman of the Sovereign" Yermak Timofeevich: Vectors of Idealization], in *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoi russkoi knizhnosti na vostoke Rossii: v 2 t.* [Ancient Russian Spiritual Heritage in Siberia: Scientific Study of Monuments of Traditional Russian Book Learning in Eastern Russia. 2 Vols.]. Ed. by E.I. Dergacheva-Skop, V.N. Alekseev. Novosibirsk: [S. n.], 2008. Vol. 2. Pp. 187–202 (in Russian).

Stefan Yavorskii. Slovo v nedelyu mironosits uveshchatel'noe do voinov, nadkhodyashchu pokhodu voinskomu [Word in the Week of Myrrh-bearers Exhortatory to the Warriors, Coming to the Warrior's Campaign], in Stefan Yavorskii. *Propovedi: [v 3 ch.]* [Sermons. 3 Parts]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1804. Part 1. Pp. 55–85 (in Russian).

Stefan Yavorskii. Slovo v nedelyu dvadtsatuyu po Svyatom Dukhe [The Word in the Twentieth Week after the Holy Spirit], in Stefan Yavorskii. *Propovedi: [v 3 ch.]* [Sermons. 3 Parts]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1804. Part 2. Pp. 95–124 (in Russian).

Stefan Yavorskii. Kolesnitsa torzhestvennaya [The Chariot of the Solemn], in Stefan Yavorskii. *Propovedi: [v 3 ch.]* [Sermons. 3 Parts]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1805. Part 3. Pp. 140–184 (in Russian).

Tri china prisvyag [Three Rituals of Oaths]. [Moscow]: [Pechatnyi dvor], [1654] (in Russian).

Feofan Prokopovich. Istoriya imperatora Petra Velikogo ot rozhdeniya ego do Poltavskoi batalii i vzyaniya v plen ostal'nykh shvedskikh voisk pri Perevolochne vklyuchitel'no [History of Emperor Peter the Great from His Birth to the Battle of Poltava and the Capture of the Swedish Forces at Perevolochna], in Feofan Prokopovich. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Ed. by I.V. Kurukin. Moscow: ROSSPEN, 2010. Pp. 435–558 (in Russian).

Bartolini M.G. The Discourse of Martyrdom in Late Seventeenth-Century Ukraine. The 'Passion-Sufferers' Boris and Gleb in the Homilies of Antonij Radyvylovs'kyj and Lazar Baranovyč, in *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. Vol. 61. No. 3. Pp. 499–527.

Rowland D.B. Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia: The Blessed Host of the Heavenly Tsar, in Rowland D.B. *God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. Pp. 127–154.

Sinkevych N. Der Kult der Kriegerheiligen in der Kiewer Metropole in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts, in *Die Militarisierung der Heiligen in Vormoderne und Moderne*. Hrsg. von L. Berezhnaya. Berlin: Duncker & Humblot, 2020. S. 143–159.

Статья принята к публикации 18.02.2023